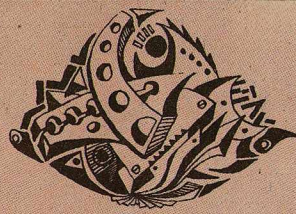

ПАТРИОТЫ, ЖЕЛАЮЩИЕ РАСПРОСТРАНЯТЬ «ДЕНЬ»,
ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ: МОСКВА — 200-23-67, С.-ПЕТЕРБУРГ —
272-40-07, КИЕВ — 290-78-05, РИГА — 37-08-93, ТАЛЛИНН — 42-17-57,
НОВОСИБИРСК — 21-40-75, БРЯНСК — 57-11-43, ПЕРМЬ — 73-16-63,
ВЛАДИВОСТОК — 25-63-40, МУРМАНСК — 7-24-24. САМАРА — 74-66-59.
НЬЮ-ЙОРК — (718) 359-79-05, СИМФЕРОПОЛЬ — 23-22-76, ОМСК — 33-15-31

САЛОН

ДЕНЬ — 1992 — 4-10 окт. — с. 8

Я, слушая, что я у них хорошая и замечательная. Много чего сказал, даже то, что будет по мне скучать, а это на него не похоже... И долго, медленно уходил по лестнице. Долго смотрел, прощался.

В тот вечер, 6 октября, прослушал «Вести», потом на ленинградском канале — программу «Факт». Веселая такая

пришла, но я никому не верила — ждала звонка из Питера, от ребят. А они не звонили — не решались... Наконец в одиннадцатом часу позвонила Маша, его костюмерша, наш близкий друг, сказала, что да, это правда. Но даже тогда не верила. Потом вдруг прояснение: что же я здесь сижу, ведь надо ехать в Питер. И мы поехали туда на машинах, билетов на самолет не достать...

Смутно помню, через плотный и вязкий туман, как везли Игоря домой, как

Татьяна
ТАЛЬКОВА:

«...УКРЕПИ ДУХ МОЙ И СИЛЫ!»

передача была, и уже титры пошли, вдруг обрыв — и ведущий на экране: «Стоп, музыка! Только что был выстрел в Талькова...»

Я не помню, он много говорил, и кровь показывали, но это осталось каким-то серым пятном, лишь краем сознания прочла титры «Военный госпиталь... Умер...» Но в это не поверила. И Игорек дома, не помню, кажется, закали слезы, но и тогда сердца не коснулась боль потери. Игорь стал терять меня: «Мама, что с тобой?» «Игорек, папы нет...» «Ка: нет?» «Ну нет, понимаешь?» Он захныкал, но мы с ним ничего не поняли. Между тем стали прорываться звонки: «Правда, что Игорь умер?»

Быстро съехались музыканты, соседи

все происходило. В нашей квартире бесчисленным потоком передвигались какие-то люди, кто-то шел проститься искренно, кто-то — поглазеть из любопытства...

Я никогда не ощущала себя женой «звезды». Для меня было отдельно, абстрактно Игорь Тальков на сцене — и я, как зритель, преклонялась, восхищалась им, а когда он был дома, для меня был просто Игорек, папик, папуля. Он был домашним, родным и близким, но он не был как все, он человек замкнутый — мог часами молчать, ду-

мать. Я же, не мешая ему, занималась своим делом. Это не значило, что мы в ссоре, — он работал. Он никогда не был праздным, скучающим. Всегда с книгой или с тетрадкой. Телевизор не смотрел, лишь слушал информацию. Преклонялся перед Тарковским, Сакуровым, Владимиром Высоцким. Как-то по-новому открыл для себя Кайдановского. Любил Феллини, Хичкока. Всегда был занят, его мысль, спеша за временем, не давала ему покоя. И я никогда не позволяла ему заниматься хозяйством. Ведь каждому человеку дано свое, и когда на сцене он — Бог, такого человека не должен стоять у плиты или мыть посуду.

В быту он был ребенком, ибо это была не его стихия. Меня это умиляло, поэтому гвозди в доме забивала я, чинила все тоже я. Делала я это с радостью. Счастье — быть ему нужной, хоть как-то помогать, хоть от чего-то ограждать...

Тему России он выстрадал, выносил, он пришел к ней через серьезное изучение ее истории. Особенно его интересовал «век золотой Екатерины». Он обожал эту женщину, преклонялся перед ней за ее вклад в процветание империи, в возвышение и возмечивание России. Обладая потрясающим свойством находить истину в одном абзаце, он отменял всю шелуху, ересь, прочитывая горы литературы.

Он верил, что Россия воспрянет, ибо в ней — святые корни, единственная страна, которая никогда не была побеждена, верил в могучий дух русского народа. И он сказал, что пока горит хоть одна свеча, одна лампада в России — она непобедима.

Не осталось ничего: ни снов, ни слез, лишь завораживающее — черная немая

пустота... Я потеряла счет времени — оно остановилось. С того самого момента, когда в тот злополучный день позвонил телефон и меня спросили: «Таня, где Игорь?»

Долгие столетия я без тебя... Не верю в гибель твою, иначе бы я сошла с ума! Ты просто уехал в долгие, длительные гастроли. С этим я смиряюсь, ибо это привычно — ты так часто уезжал, а я ждала... Вела счет дням, закрашивая черным числа на календариках во время твоего отсутствия; так мало на этих календариках светлых окошечек — дней, когда ты дома. Но они так приветливы, так радостно-праздничны, что я радуюсь, перебирая чудом сохранившиеся несколько календариков — лет.

А ведь вначале я не понимала ничего, но когда наконец наступило прозрение и я начала понимать твой язык, он был не только красив, интересен, но и глубок. И вот этот глубинный смысл твоих слов проник в меня, я стала ощущать все движения твоей мечущейся, мужественной, правдивой души. Но к этому был долгий путь. Я должна была подрасти, подняться до твоего уровня. Изво всех сил старалась я это сделать. В первые годы было безумно сложно, трудно. Когда же я поняла до конца кто ты, мне стало одновременно и легко, и тяжело, потому что теперь я чувствовала тебя, понимала, почему ты так страдаешь, мучаешься, бьешься. Мне хотелось кричать, доказать всем, какой ты талантливый, какой ты гениальный.

Ты умел дружить, а это немаловажный дар, и быть настоящим другом такого человека — просто счастье. Я была тебе другом и этим горжусь, дорожу. Надо достойно выжить здесь, чтобы встретиться с тобой там — на небесах.

Господи, помоги мне, укрепи дух мой и силы!

РОК—РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

ПАМЯТИ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА

В издательстве «Русский язык» вышел буклет «Я вернусь», посвященный жизни и творчеству Игоря Талькова.

— Михаил, что представляет собой это издание и каково твое участие в нем?

— Этот буклет — первая авторская работа начинающего журналиста Олеси Платоновой, выступившей ее инициатором и составителем. Волею судьбы я принял активное участие в этой работе. Хочу выразить большую благодарность Сергею Маркелову, представившему громадное количество фотографий.

В этом буклете по мере возможности мы постарались рассказать об Игоре не как о трибуне, гласнате своего безумного времени, а просто как о человеке с присущими ему противоречиями.

— В какое время ты познакомился с Игорем, когда и как стал его директором?

— Заочное знакомство состоялось в 1974 году. Я тогда служил в рядах Советской Армии со старшим братом Игоря — Володей. Игорь в то время только начинал свой творческий путь. Он в 75-м стал солистом группы «Фанты» Тульской областной филармонии (под руководством Геннадия Васильева), а в 76-м, верну-

вшись домой, я застал Игоря уже в зените славы.

Был он тогда кумиром тульской молодежи. Поскольку я дружил с его старшим братом и очень часто бывал в гостях у них дома, могу считать, что наша дружба с Игорем началась в том же году.

ОН ВЕРНУЛСЯ!

Интервью с Михаилом СКУБИЛИНЫМ — автором-исполнителем, бывшим директором группы «Спасательный круг» Игоря Талькова

Зимой 1988 года Игорь неожиданно приехал ко мне сам и предложил работать с ним. Правда, ни о каком директорстве в то время мы не помышляли. Игорь знал многие из моих песен, и они ему нравились. Он предложил мне выполнять административную работу в его группе и при этом предоставил мне возможность выступать со своими песнями в его сольных концертах, выделяя по 20 — 25 минут. А потом месяца через три я неожиданно «вырос» до директора группы. Занимал этот пост недолго — чуть

место займет по праву достойнейший из достойных. Покада теплится хотя бы одна свеча, один фитилек в лампаде у старого Ивана, наша Россия жива, а колъ жива Россия, она даст миру достойного сына, что уже не раз доказывала за свою многовековую историю.

Беседу вел
Владимир САБИРОВ

Александр БОНДАРЕНКО

НЕПОКОРНЫЙ

Я познакомился с Игорем Тальковым в марте 1985 года в гостях. В тесной прихожей нас коротко, по-свойски представила друг другу Маргарита Терехова:

— Это Саша, журналист, а это Игорь, музыкант, певец и композитор. Будьте друзьями.

Стройный бородатый красавец оторвался от зеркала, протянул мне широкий княжеским жестом руку и крепко сжал мою ладонь.

Чуть позже Маргарита незаметно увела меня на кухню и сказала:

— Саша, Игорь — мой аккомпаниатор. Он очень талантлив, но сейчас у него черная полоса. Игорь нервничает, переживает, иногда даже впадает в депрессию. Он здесь нйкого, кроме нас, не знает. В такой суматохе и толчее я могу не усмотреть за ним, будьте рядом с Игорем. И потом вы с ним — почти ровесники, у нас много общего. Постарайтесь подружиться. Поверьте, он прекрасный человек: умный, искренний, добрый, смелый... и ужасно ранимый.

Опасалась она не напрасно. Публика там была самой разной: от зарубежных дипломатов до скромных советских тружеников. Затесалась и парочка работников прилавка. Один из них рядом с нами с упоением рассказывал какому-то паритому чину или общественному деятелю о том, как в великий пост он объегорил хворого благословившего пола и за две рыбины, которым червонец красная цена, выменял прекрасно изданные именнинный календарь и молитвенник, а потом загнал их иностранцу за сто долларов.

— А советь почем толкаете? — спросил Тальков.

Позже он никак не мог успокоиться:

— Вот такие типы у нас везде заправляют: и в культуре, и в политике, и в экономике... Они продажны, беспринципны, бездуховны, нахальны — но все при галстуках и должностях.

В остальном же вечер удался. Был даже импровизированный концерт, на котором я танцевал и читал свои стихи. Игорь играл на пианино и вдохновенно исполнял свои песни. Маргарита декламировала классику, а позже в дуэте с Тальковым чудесно исполнила русские народные песни и романсы.

После первых же аккордов Тальков оказался в центре внимания, он завоевал симпатии и хозяев квартиры, и гостей. Отовсюду слышалось: «Талант, талант...» Игорь светился счастьем.

— У тебя, Игорь, прекрасные песни.

— Песни-то есть, а признания нет. Коротка нужна творческого союза или блат. А без этого к большой сцене, известности на пушечный выстрел не подступай — все дороги перекроют. Мафия в советском шоу-бизнесе почти сизифийской... Спасибо обществу «Знание» да книголюбам — выступают по их «заявкам». Иногда нелегально вставляю в программу свои песни. Пою их украдкой. А ведь это все равно как родных детей не признавать, лишая себя отцовства... У тебя есть дети?

— Нет, я не женат...

— А у меня сын растет. Игорь Тальков младший. Дай бог, чтобы ему жилось лучше, чем мне...

— Полно, ваше благородие, на жизнь

жаловаться. Мы ведь русские мужики, нам не привыкать к трудностям... Бог даст, и на этот раз выстоим. Будет еще и на нашей улице праздник. Хочется верить, что наступит такое время, когда твои диски станут бестселлерами, а сам ты — эстрадной «звездой». Небось, тогда и знаясь со мной не станешь?

— Да что ты! Я манией величия никогда страдать не буду. Мне бы только себя излить в песне, душу свою, боль за русский народ, живущий хуже каторжан... Так разве дадут когда-нибудь правду об этом сказать? Упекут в катажку — и дело с концом. Одним бунтарем станет меньше да к тому же меченым: из семьи репрессированных. Господи, будем ли мы когда-нибудь свободны, хотя бы в словах своих, в песнях?!

— Хочется надеяться... Давай выпьем за это!

Мы выпили еще по бокалу вина, поучаствовали в общем веселье и, простившись с хозяйками, пошли искать такси. Терехова стояла на углу улицы, кутаясь в холодную нейлоновую куртку. Игорь посмотрел жалостливо на нее и тихо, доверительно сказал мне:

— Больно за Риту. Известная актриса, талантливая, а угодила в опалу и осталась без театра, без фильмов. Сплошной провал. Всю зиму без теплого пальто проходила. А ведь у нее бронхи большие, и ей предложил как-то денег на шубу, так скандал устроила: мол, я тебе не содержанка. Все мы, русские, такие — гордые и ранимые...

— Извини, но у тебя-то откуда деньги? — не удержался я от вопроса, а в ответ услышал:

— В кабаках подрабатываю, старина. Обычный удел для непризнанных авторов. Хорошо еще, не спился, а ведь мог. Сердцу тяжело зажратых ублажать, какое уж тут искусство...

Тальков сотрудничал с ВИА «Апрель» и «Вечное движение», иногда выступал вместе с ними в концертных программах, исполняя авторские песни. Конечно, Игорь стремился к популярности, как и любой другой эстрадный артист. Он понимал, что его творческий потенциал значительно выше, чем у многих других, гордо более известных исполнителей. Однако Тальков никогда не позволил бы себе забраться на пьедестал славы и успеха с черного хода или по приставной лестнице. Он был человеком чести и восстаал против любой несправедливости. Ему претили всякие закулисные игры.

Прошли годы... Тальков стал «звездой», однако действительно не зазнался, не откестился от старых друзей и знакомых, не заразился «звездной» болезнью. Игорь принимал близко к сердцу и без кровной обиды все, сказанное ему друзьями: и похвалу, и критику, лишь бы собеседник не кривил душой. Игорь был искренним человеком и ненавидел лицемерие и фальшь. Он крест носил на груди не для моды, а для души...

Я ставлю пластинку и чувствую, как озноб пробегает по телу, грывкий ком сжимает горло и кто-то внутри меня голосом Талькова говорит:

— Мне бы только себя излить в песне. Душу свою, боль за русский народ...